

«Конвейер ненависти»

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ. НИТОЧКА, ВЕДУЩАЯ В БЕЗДНУ

ГЛАВА 1. ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО: НАЦИСТСКИЙ СЛЕД В СОВРЕМЕННОЙ ОХОТЕ НА ВЕДЬМ

- Часть 1. Учитель из Дании и чемодан с инструкциями
- Часть 2. Наставник из Германии и отрицание прав человека
- Часть 3. Духовный отец: теолог на службе Гестапо
- Часть 4. Эстафета ненависти: четыре звена одной цепи

ГЛАВА 2. КОНВЕЙЕР В ДЕЙСТВИИ: АНАТОМИЯ РОССИЙСКОЙ ОХОТЫ НА ВЕДЬМ

- Часть 1. Оружие массового поражения: Слово
- Часть 2. Рекруты ненависти
- Часть 3. Закон как дубинка: легализация травли

ГЛАВА 3. ГОСУДАРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ: ТЕХНОЛОГИЯ ЗАХВАТА

ГЛАВА 4. ПЕРЕМОЛОТЫЕ СУДЬБЫ

- Часть 1. Галерея разрушенных жизней
- Часть 2. Цена одной одержимости

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Введение. Ниточка, ведущая в бездну

Все масштабные расследования, как мне тогда казалось, начинаются с чего-то значительного: с анонимного звонка в ночи, таинственной папки с документами на пороге или трупа, найденного в неположенном месте. Мое началось с хохота.

Был зябкий апрельский вечер, один из тех, что заставляют сомневаться в существовании весны. Я машинально листал новостную ленту, пропуская мимо сознания очередной политический скандал и новости о росте цен. И тут я наткнулся на заголовок, который пробил броню моей апатии. Он был настолько абсурден, настолько карикатурен, что я невольно рассмеялся вслух, испугав дремавшего на коленях кота.

Новость гласила, что в России некий «профессор сектоведения» Александр Дворкин потребовал от сенатора Елены Мизулиной запретить занятия йогой в российских тюрьмах.

Я почувствовал легкое недоумение. Запретить занятия йогой? Серьёзно? Неужто из-за «собаки мордой вниз»? Причина?

А причина оказалась в том, что йога, по мнению профессора, провоцирует «неконтролируемое сексуальное возбуждение», что в условиях замкнутого мужского коллектива неизбежно приведет к росту гомосексуальных связей. Но это было еще не все. Вишенкой на торте этого бреда стало утверждение, что заключенные, познавшие дзен, непременно станут геями, а так как некоторые занимающиеся йогой готовят и разносят пищу по камерам, есть риск, что другие заключенные начнут массово отказываться от еды, которую им раздают «опущенные», что, в свою очередь, спровоцирует «голодные бунты».

Первой реакцией был смех. Громкий, искренний, тот самый, что случается, когда сталкиваешься с чем-то запредельно нелепым. Я перечитал заметку дважды. Потом трижды. Нет, это не было сатирой с сайта пародийных новостей. Это была реальная новость, с реальными именами. Профессор Дворкин, сенатор Мизулина,

Генпрокуратура, Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН). Весь набор действующих лиц серьезной государственной драмы разыгрывал фарс, сценарий которого будто написал сошедший с ума Пелевин.

Я сделал скриншот и разослал его друзьям с подписью: «Что происходит с Россией — вся суть в одном заголовке». Мы обменивались комментариями, соревнуясь в остроумии. Йога как катализатор тюремных гей-оргий и бунтов — это звучало как анекдот, идеальная иллюстрация к тому, до какого маразма может прийти борьба с так называемыми «сектами и культами». В тот вечер я лег спать с чувством легкого самодовольства и иронии, как человек, способный видеть абсурд и смеяться над ним. Я думал, что на этом история закончится.

Как же я ошибался.

На следующий день смех утих, но история не отпускала. Что-то в ней было неправильно, как в детской загадке, где нужно найти лишний предмет на картинке. Только здесь вся картинка целиком казалась лишней. Почему мнение человека, изрекающего подобную дичь, вообще кто-то воспринимает всерьез? Почему сенатор федерального уровня не отправляет его к профильному врачу, а вместо этого пишет официальный запрос Генеральному прокурору? И почему Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН), пусть и временно, но действительно приостанавливает занятия йогой в московских СИЗО?

Это уже не было смешно. Это было странно и даже немного жутко.

Я полез в Google за ответами. «Александр Дворкин, сектовед». Первые же ссылки вели на свободную энциклопедию, на религиозные порталы, где размещены «экспертные» комментарии сектоведа, и на сайт некой организации с громоздким названием «Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ириния Лионского» (президент — профессор А. Л. Дворкин). На меня смотрел человек с тяжелым взглядом и окладистой бородой,

позиционирующий себя как главный в России борец с «тоталитарными сектами».

Страница за страницей я погружался в его мир. Мир, где за каждым углом таится «деструктивный культ». Где опасность представляют не только свидетели Иеговы, мормоны или сайентологи, но и безобидные кришнаиты, танцующие и поющие на улицах, психологические тренинги личностного роста, образовательные проекты и, разумеется, практикующие йогу и цигун, которых Дворкин заподозрил в связи не просто с деструктивными и оккультными движениями, но с террористическими и экстремистскими сектами.

Чем глубже я копал, тем больше несостыковок находил. Вот Дворкин, гражданин США, вернувшийся в Россию в начале 90-х, пламенно клеймит «тлетворное влияние Запада». Вот он, человек без систематического теологического или религиоведческого образования, читает лекции в государственных вузах и выступает экспертом в судах. Вот он, президент Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС), чьи «черные списки» неудобных организаций становятся, по сути, руководством к действию для силовиков на местах.

Комичный случай с йогой перестал быть точкой и превратился в многоточие. Он был не аномалией, а иллюстрацией того, как работает эта машина «репрессий».

Передо мной вырисовывалась схема. Конвейер. И на нем перемалывали судьбы живых людей. Я начал искать истории. Истории тех, кто попал в жернова этой машины. И я их нашел. Их были сотни.

История матери, у которой пытались отнять детей, потому что она посещала «неправильную» церковь. История ученого, лишившегося работы в университете после доноса о его участии в «секте». История предпринимателя, чей бизнес по организации образовательных семинаров был уничтожен после публикаций в местной прессе, где его называли «вербовщиком в секту». Я читал о

судебных процессах, инициированных по наводке этих борцов с ересью, о людях, потерявших работу, о разрушенных семьях.

Все эти истории объединяло одно: клеймо. Клеймо «сектант», которое ставил Дворкин или один из его последователей из региональных филиалов РАЦИРС. Это клеймо превращало соседа, коллегу, обычного человека — в чужого, в опасного, в того, кого можно и нужно травить, преследовать, лишать прав и даже свободы. Язык ненависти, который поначалу казался мне просто гротескным, на практике оказывался эффективным оружием.

Любая организация, не вписывающаяся в прокрустово ложе антикультовой идеологии Дворкина, объявлялась вражеской, а ее деятельность — угрозой национальной безопасности. В данной системе координат «сектоборцы» становились санитарами идеологического поля, вычищающими все, что на их взгляд кажется чуждым и подозрительным.

Причем мишенью могли стать не только отдельные люди, новые религиозные движения или международные организации, но и вполне канонический православный приход, как это случилось с общиной отца Владимира Головина в Болгаре. Достаточно нескольких жалоб, и машина «репрессий» запускается, невзирая на то, что речь идет о действующем священнике РПЦ, находящемся в юрисдикции своего епископа. Сеть Дворкина превратился в своего рода «современную инквизицию».

В этот момент я понял, что история про йогу в тюрьме, с которой все началось — это не просто курьез. Это была та самая ниточка, потянув за которую, я рисковал вытащить на свет уродливый, многоголовый клубок. Клубок, нити которого тянулись не только по всей России, от Калининграда до Владивостока, но и уходили за ее пределы. Например, в Европу, где Дворкин с 2009 года занимал пост вице-президента европейской организации FECRIS (Европейская федерация центров исследований и информации о сектах и культах), годами получавшей государственное финансирование от Франции. И даже дальше, в прошлое. В куда более темные времена.

Я нашел упоминание о человеке по имени Вальтер Кюннет. Немецкий теолог, возглавлявший в нацистской Германии «Апологетический центр» — структуру, до жути похожую на центр Дворкина. Кюннет тоже составлял списки «опасных» для государства групп. И поставлял эти списки прямо в гестапо.

Здесь мое дыхание перехватило.

Связь была не просто идеологической. Она была прямой, почти документальной. От «Апологетического центра» Кюннета, сотрудничавшего с нацистами, ниточка тянулась к его послевоенным ученикам и последователям, затем — к датчанину Йоханнесу Огорду, которого Дворкин называл своим учителем. Это была эстафета ненависти, передаваемая из рук в руки на протяжении почти столетия. Методы, риторика, организационная структура — все было до боли знакомым. Менялись лишь декорации и названия «врагов».

Вчера — евреи. Сегодня — «сектанты». Завтра? Любой, кто не вписывается картину мира борцов с сектами или чем-то не угодил «главному сектоведо страны».

Так передо мной встал главный вопрос этой книги. Вопрос, который больше не позволял мне спать спокойно.

Как абсурд становится фундаментом для репрессий? Как бредовые идеи маргиналов, облаченные в наукообразную форму, превращаются в государственную политику и ломают тысячи жизней? Кто построил этот транснациональный конвейер ненависти, и почему он так эффективно работает в XXI веке, в том числе и в демократических странах?

Я понял, что должен найти ответы. Не ради журналистской славы или сенсации. А ради того, чтобы понять природу этого зла. Понять, как легко и незаметно общество, начавшее смеяться над абсурдом, приходит к тому, что этот абсурд начинает диктовать ему, как жить, во что верить и кого ненавидеть.

Расследование началось. Погружаясь в кроличью нору оцифрованных отчетов и ветхих новостных заметок, я видел, как за безликими файлами проступают контуры подлинной трагедии.

Вскоре я уже связывался с ними — с теми, чьи истории были погребены в этих цифровых архивах. Тогда я еще не знал, что этот путь заставит меня столкнуться с холодной логикой бесправия и вслушиваться в молчание тех, кто боится произносить имена своих палачей вслух.

Я думал, что иду распутывать историю. А оказалось, что иду на борьбу за свободы и права людей.

Глава 1. Призраки прошлого: Нацистский след в современной охоте на ведьм

Ночь после того, как я разослал друзьям новость о запрете йоги в тюрьмах, я почти не спал. Смех давно улетучился, оставив после себя едкий, тревожный осадок. Абсурд, доведенный до государственного уровня, перестает быть смешным. Он становится симптомом. И я чувствовал, что этот симптом указывал на болезнь, куда более серьезную, чем казалось на первый взгляд.

Утром, я приготовил себе ароматный кофе и сел за компьютер. Мерцающий курсор в поисковой строке стал моим отправным пунктом в кроличью нору. «Александр Дворкин».

Первые часы поиска не давали ничего, кроме официально прилизанной картинки. Бородатый интеллектуал, профессор, историк-медиевист, исследователь сектантства, глава организации основанной по благословению патриарха, вице-президент еще более солидной европейской федерации FECRIS.

Его публичный образ, как отмечали еще в начале 2000-х его критики, был отточен до мелочей: «православный псевдоинтеллигент с растрепывающейся по мере выступления благородной шевелюрой». Он мастерски смешивал наукообразную лексику, непонятную для большинства слушателей, с примитивными, но бьющими точно в цель стереотипами. Он апеллировал не к разуму, а к самым глубинным страхам аудитории: «наши дети», «враги», «сатанисты», «чужаки», «промывка мозгов».

Его интервью были наполнены грозными предостережениями об опасностях, таящихся в медитациях, тренингах личностного роста, восточных практиках. Он представал эдаким санитаром общественного сознания, защитником заблудших душ от «деструктивных культов».

Все это был фасад. Крепкий, хорошо выстроенный фасад, за которым, я был уверен, скрывалось что-то еще. Я начал копать глубже, пробираясь сквозь тонны пропагандистских материалов и

хвалебных статей на православных ресурсах. Я искал трещину. И я ее нашел.

Это было старое интервью на одном из православных порталов. В нем Дворкин, видимо, в порыве откровенности, рассказывал о заре своей карьеры «сектоведа».

Он говорил о своем возвращении в Россию из американской эмиграции в самом конце 1991 года. Я живо представил себе эту картину: страна на руинах, идеология повержена, и в умах людей царит невообразимый хаос. Духовный вакуум, оставленный рухнувшей коммунистической доктриной, как черная дыра, жадно впитывал все, что попадало в его поле: от проповедей улыбчивых заезжих миссионеров до эзотерических практик, от древних восточных учений до откровенного шарлатанства. Это была дикая, плодородная почва для любого, кто мог предложить хоть какую-то определенность, простые ответы и, что еще важнее, указать на ясного, понятного врага.

Именно в этом интервью, среди рассказов о возвращении на родину, работе на «Радио Свобода» и первых шагах в церковной жизни, прозвучала фраза, которая заставила меня задуматься. Она была сказана с обезоруживающей простотой, почти вскользь, как незначительная деталь биографии. Но для меня она стала той самой торчащей ниткой в идеально, казалось бы, сшитом костюме главного борца за чистоту.

На вопрос журналиста о том, как он, церковный историк по образованию, начал заниматься сектами, Дворкин ответил:

«Отец Глеб [Каледа] почти сразу предложил мне заняться сектами. Я ответил, что я историк Церкви, а секты — это антиисторическое понятие и к церковной истории они не имеют никакого отношения. “Да и не знаю я ничего о сектах!” — говорю. “Нет, знаете! — возразил отец Глеб. — Секты идут с Запада, значит, в отличие от нас, вы там хотя бы что-то о них слышали. Кроме того, вы владеете иностранными языками. А академическое образование

поможет вам получать информацию, правильно ее обрабатывать и грамотно представлять”».

Я перечитал эти строки несколько раз, вслушиваясь в их подспудный смысл. Постепенно стало приходить осознание. Человек, построивший всю свою карьеру, свою репутацию, свою публичную идентичность на борьбе с «сектами», называющийся в России «главным сектоведом», сам, открытым текстом, признается, что на старте не знал о предмете ровным счетом ничего.

Его «признанная экспертность» даже на то время была очевидно сомнительной: без знаний, без глубокого понимания сложнейших социальных и религиозных процессов, — зато человек с западным бэкграундом, да ещё и «владеет языками». Очевидно, что для несведущих сам факт «приехал с Запада», «оттуда», принимался за признак компетентности.

Это интервью подрывало основание тщательно выстроенного образа ученого-исследователя. Передо мной было публичное признание в полной некомпетентности на момент начала деятельности. И это признание, сделанное самим Дворкиным, стало той искрой, что зажгла настоящий пожар в моем расследовании. За эту нитку нестерпимо захотелось потянуть, чтобы распустить весь клубок. Если основатель современного российского антикультизма не был экспертом, то откуда взялись его идеи? Откуда эта специфическая, агрессивная терминология? Чью методичку он перевел на русский язык? Кто его научил?

Главным его изобретением, его оружием массового поражения стал термин «тоталитарная секта». Он не придумал его с нуля, но именно он ввел его в широкий оборот в России, придал ему статус почти юридического понятия и превратил в рычаг давления. В своих трудах он давал ему определение, которое на первый взгляд казалось логичным: «авторитарная организация, главным смыслом существования которой являются власть и деньги, для получения которых секта прикрывается псевдорелигиозными, псевдокультуроведческими и другими псевдоцелями».

Но при ближайшем рассмотрении становилось ясно: это не научное определение, а универсальный ярлык, резиновая дубинка, которой можно было огреть кого угодно. Под него можно было подвести любую структуру, любую организацию. Этот термин стал его главным инструментом. Он не требовал доказательств, он апеллировал к эмоциям. Слово «секта», обладавшее резко негативной коннотацией, усиленное зловещим эпитетом «тоталитарная», работало безотказно. Оно мгновенно создавало образ врага, с которым не нужно вести диалог — его нужно уничтожать.

Дворкин был одержим своей миссией до фанатизма. Интернет-архивы хранили множество историй об этом. История с кришнаитом в московском метро, которого Дворкин обвинил в нападении, а тот, в свою очередь, обвинял профессора в том, что он вырвал и разорвал священную книгу. Шокирующий рассказ видеооператора-кришнаита, которого, по его словам, Дворкин до крови укусил во время съемки в коридоре суда. Бесчисленные случаи прямой лжи и подтасовок, которые Дворкин использовал для унижения оппонента.

Эти эпизоды, подробно описанные в те годы, рисовали портрет человека, который не гнушался никакими методами. В одной из ранних критических статей я встретил фразу, которая показалась мне невероятно точной: деятельность Дворкина — это не исследование, а «психологическая война». Но даже у самого умелого солдата психологической войны должен быть первоисточник. Учебник. Методичка. Я должен был ее найти. Я был уверен, что ключ где-то там, в этих ностальгических воспоминаниях.

Часть 1. Учитель из Дании и чемодан с инструкциями

Сразу после рассказа о своем «назначении» на роль сектоведа Дворкин, сам того не осознавая, указал на следующее, решающее

звено в цепи. Он сам дал мне в руки нить Ариадны, которая могла вывести меня из этого лабиринта лжи и недомолвок.

Вот эта цитата-улика, полная красноречивых деталей:

*«А весной 1993 года в Россию приехал датский профессор **Йоханнес Огорд**, который к тому времени уже почти 30 лет активно противостоял сектам в Европе и во всем мире... Он был лютеранином, однако с большой любовью относился к Русской Православной Церкви, и когда увидел, каким мощным потоком секты хлынули в Россию, то сразу приехал в нашу страну, чтобы предложить свою помощь... Он стал спрашивать, кто [в России] этим занимается, и ему указали на меня. Я хорошо помню нашу первую встречу. Мы сидели на сваленных у одного из закрытых храмов Высоко-Петровского монастыря бревнах и долго говорили о проблеме. В заключение разговора он пригласил меня в Данию, чтобы я посмотрел, как работает возглавляемый им исследовательский и апологетический **“Диалог-Центр”** в г. Орхусе».*

Вот он. Наставник. Учитель. Дворкин сам, в том же интервью, с благодарностью назвал Огорда своим «первым учителем в сектоведении». Картина обрела фотографическую резкость. Иностраный специалист, представитель уже сложившегося на Западе антикультового движения, приезжает в охваченную хаосом Россию, целенаправленно ищет «перспективные кадры» и находит — человека, который «приехал с Запада» и «владеет языками». Он находит Дворкина.

Их встреча на бревнах у стен московского монастыря была не просто разговором двух единомышленников. В этом образе было что-то глубоко символичное. На руинах старого мира, в стране, переживающей тектонический сдвиг, происходит эта почти конспиративная встреча. Это был акт посвящения. Момент передачи эстафетной палочки ненависти.

В интервью Дворкин рассказал информацию, за которую мой мозг зацепился, как утопающий за соломинку. Он несколько лет

подряд ездил в Данию, в город Орхус, где встречался с известным датским апологетом Йоханнесом Огордом и возвращался оттуда не с пустыми руками:

«Несколько лет подряд я ездил в Данию на мероприятия, проводимые «Диалог-Центром», и каждый раз привозил оттуда чемодан отсканированных документов, которые стали основой архива аналогичной организации в России — „Информационно-консультационный центр имени священномученика Ириней Лионского“».

Я перечитал этот абзац несколько раз. *Целый чемодан документов.*

В голове щелкнуло. Это было то самое. Та самая ниточка. Движение Дворкина не было доморощенной инициативой, не было уникальным российским явлением, рожденным из пены «лихих девяностых». Это был импорт. Готовая технология, привезенная в чемодане из Дании. Бизнес-модель, франшиза. Ему вручили готовый набор инструментов, лекал и инструкций. И этот кто-то — датский профессор Йоханнес Огорд.

Мое расследование обрело вектор. Теперь я знал, где искать. Мне нужно было понять, что это за человек — Огорд. И что за документы лежали в том чемодане.

Часть 2. Наставник из Германии и отрицание прав человека

Мое «путешествие» в датский город Орхус проходило, разумеется, виртуально. Я часами сидел перед экраном, погружаясь в оцифрованные архивы, европейские новостные заметки и отчеты правозащитных организаций. Постепенно из разрозненных файлов начал вырисовываться портрет Йоханнеса Огорда.

На первый взгляд — респектабельный лютеранский профессор, теолог, специалист по миссионерству. В 1973 году он основал тот самый «Диалог-Центр», который Дворкин приводил как образец.

Цель центра была заявлена благородная: изучение новых религиозных движений (НРД) и диалог с ними. Но чем глубже я погружался в деятельность центра, тем яснее понимал, что слово «диалог» в его названии было такой же фикцией, как «демократическая республика» в названии ГДР.

Никакого диалога не было. Была война.

Огорд и его центр занимались систематическим сбором компромата, созданием «черных списков» и лоббированием репрессивных законов против религиозных меньшинств. Я нашел его публичные выступления, в которых он с плохо скрываемым презрением отзывался о фундаментальных демократических ценностях. Он открыто насмехался над Первой поправкой к Конституции США, гарантирующей свободу совести, называя ее неврозом и заявлял, что это якобы противостоит природе человеческой природы.

Для него любая группа, не вписывающаяся в узкие рамки традиционного лютеранства, была потенциальной «тоталитарной сектой», угрозой обществу, которую нужно было изолировать и нейтрализовать.

Его риторика была до боли знакома. Та же дегуманизация, то же навешивание ярлыков, то же разделение мира на «нас» (нормальных, правильных) и «их» (опасных, заблудших, одурманенных). Дворкин не просто скопировал структуру центра. Он скопировал сам язык ненависти и усовершенствовал его.

Но Огорд тоже был не началом цепочки. Он был звеном. Важным, но промежуточным.

Просматривая старые протоколы конференций «Диалог-Центра», я раз за разом натыкался на одно и то же имя в списке почетных гостей и руководителей. Вице-президентом центра Огорда на протяжении многих лет был некий немецкий пастор. Человек, которого Огорд называл своим наставником и вдохновителем.

Его звали **Фридрих-Вильгельм Хаак.**

Именно в этот момент я почувствовал первый настоящий холод. Не просто интеллектуальное любопытство, а ледяное прикосновение чего-то по-настоящему темного. Расследование уводило меня из тихой, благополучной Дании в Германию. В страну, чья история в XX веке стала синонимом того, как легко риторика ненависти превращается в государственную машину уничтожения и преступлений против человечности.

Фридрих-Вильгельм Хаак. Это имя сегодня мало что скажет обычному человеку. Но в 60-е, 70-е и 80-е годы в Западной Германии его знали многие. И многие боялись.

В 1964 году Евангелическо-лютеранская церковь Баварии назначила его на специально созданную должность: «уполномоченный по делам сект и мировоззренческих вопросов». По сути, он стал официальным церковным инквизитором, получившим мандат на борьбу с инакомыслием. И он взялся за дело с тевтонским усердием.

Архивные материалы рисовали портрет человека, одержимого идеей чистоты. Он видел «сектантскую угрозу» повсюду. Его деятельность была точной копией того, что делал Огорд в Дании, а позже Дворкин в России, только в более ранней и концентрированной форме. Он создавал картотеки, публиковал «черные списки», выступал в прессе с алармистскими заявлениями, требовал от государства решительных действий.

Но было одно кардинальное отличие. Хаак не утруждал себя даже видимостью приверженности демократическим ценностям.

В одной из его брошюр я нашел пассаж, от которого по спине пробежали мурашки. Хаак считал, что Всеобщая декларация прав человека, принятая ООН после Второй мировой войны как прививка от ужасов нацизма, а также и основополагающие ценности, которые были широко приняты - ценности единства и равенства - являются ошибкой.

Он провозглашал следующее: *«Если мы правильно понимаем нашу веру, мы не имеем права позволять „другим“ продолжать придерживаться своей веры...»*.

Инициатива Хаака стала отправной точкой для возобновления лекций и проповедей о сектах в Баварии — регионе, где идеи нацизма особенно сильно закрепились в общественном сознании.

Он призывал относиться к членам «сект» не как к людям, обладающим правами, а как к носителям опасной инфекции.

Это был уже не просто консерватизм. Это была идеология, отрицающая саму основу современного гуманистического миропорядка. И эта идеология исходила не от маргинального неонациста с пивной кружкой, а от официального представителя одной из крупнейших церквей Германии.

Как такое было возможно? Как в послевоенной Германии, так мучительно изживавшей свое нацистское прошлое, мог появиться и успешно функционировать такой человек?

Ответ, как это часто бывает, лежал на поверхности. Хаак ничего не придумывал. Он лишь возрождал. Он был прямым наследником и продолжателем дела, начатого задолго до него.

Я начал копать его биографию, университет, преподавателей. И тут я наткнулся на имя, которое уже мелькало в моих заметках. Имя, которое связало все воедино и превратило мое расследование из истории об идеологических заблуждениях в историю о прямой, неразрывной преемственности зла.

Часть 3. Духовный отец: теолог на службе гестапо

После войны в том же университете, где учился Хаак, преподавал теологию человек по имени Вальтер Кюннет.

Именно он, Вальтер Кюннет, антисемит из Баварии и главный редактор протестантского издания «Слово и дело», в 1932 году возглавил «Апологетический центр» протестантской церкви Германии. Структуру, которая в 1933 году, сразу после прихода

Гитлера к власти, заключила официальное соглашение о сотрудничестве с гестапо.

В этот момент я встал из-за стола и подошел к окну. Ночной город жил своей жизнью: светились окна, ползли по проспекту цепочки фар, где-то внизу смеялась компания молодежи. Обычная мирная жизнь. И от этого осознание того, что я только что раскопал, становилось еще более чудовищным.

Я вернулся к компьютеру. Теперь я искал целенаправленно. «Walter Kunneth. Apologetische Centrale. Gestapo».

То, что я нашел в оцифрованных немецких архивах, превзошло мои самые худшие опасения.

«Апологетический центр», основанный еще в 1921 году, при Кюннете превратился в идеально отлаженный придаток нацистской репрессивной машины. Это не было преувеличением или метафорой. Это был документально подтвержденный факт.

Центр Кюннета занимался ровно тем же, чем позже будут заниматься Хаак, Огорт и Дворкин: сбором информации о «нетрадиционных» и «опасных» для государства группах. Только в его время список этих групп был несколько иным. В него входили Свидетели Иеговы (тогда их называли «Исследователями Библии»), мормоны, адвентисты, теософы, антропософы и, конечно, главная мишень нацистского режима — евреи и любые организации, связанные с иудаизмом.

Кюннет и его сотрудники составляли подробные досье, писали «экспертные» заключения о вреде этих групп для «немецкого народного духа» и передавали их напрямую в гестапо и в министерство пропаганды Геббельса.

Вот что с удовлетворением писал Кюннет в докладе правительству Рейхсцеркви: *«Гестапо проявило большой интерес к архиву сект Апологетического центра и к нашей работе против свободомыслия, марксизма и большевизма. Гестапо выразило желание в будущем совместно с Апологетическим центром возглавить борьбу с нелегальным свободомыслием. Обмен*

материалами между гестапо и Апологетическим центром уже начался».

Эти документы становились основанием для запретов, арестов, отправки в концентрационные лагеря и физического уничтожения.

«Апологетический центр» был не просто пассивным информатором. Он был идеологическим обоснованием террора.

Я нашел статью самого Кюннета тех лет. Говоря о еврействе, он использовал леденящую кровь риторику, которая спустя десятилетия будет с пугающей точностью воспроизведена его последователями. Он говорил, что еврейство — это чужеродная клетка в теле Германии.

Чужеродная клетка.

Я открыл в соседней вкладке одно из недавних интервью Дворкина, где он говорил о «сектах», которые по его убеждению не приносят никакой пользы обществу:

«Они просто высасывают жизнь из общества, подобно тому, как раковая опухоль высасывает жизнь из организма, пока в конечном итоге не уничтожит его».

Раковая опухоль.

Сходство было не случайным. Это был один и тот же язык. Одна и та же технология дегуманизации, которая позволяет объявить группу людей болезнью, паразитом, угрозой, которую здоровый «народный организм» должен вырезать и уничтожить.

Методология была идентичной. **Создать структуру:** церковный или околицерковный «исследовательский центр», придающий деятельности вид легитимности и научности. **Составить списки:** определить врагов, составить их перечень. **Создать язык ненависти:** разработать и внедрить в общественное сознание риторику, которая лишает врагов человеческого облика. **Сотрудничать с силовиками:** передать списки и «экспертизы» государственному репрессивному аппарату, который и выполнит всю грязную работу.

Я задался вопросом, а был ли Вальтер Кюннет привлечён к ответственности и понёс ли наказание за тесную дружбу с Гестапо и за причастность к преступлениям тех лет?

После войны он не был осужден. Он спокойно продолжил преподавать, писать книги и формировать мировоззрение нового поколения пасторов, вселяя в их умы зловоние ненависти, превращая их в семя, из которого вырастают ветви вражды и разделения. Одним из таких учеников и был Фридрих-Вильгельм Хаак.

Часть 4. Эстафета ненависти: четыре звена одной цепи

Эстафетная палочка ненависти была передана.

Картина сложилась. Это была неразрывная, документально подтвержденная цепь. Четыре звена, четыре имени, четыре эпохи.

Вальтер Кюннет. Основоположник. Создатель технологии сотрудничества церковной «антисектантской» структуры с государственной тайной полицией для уничтожения меньшинств в нацистской Германии.

Фридрих-Вильгельм Хаак. Идеологический наследник. Ученик Кюннета, который бережно сохранил и перенес эту технологию в послевоенную, демократическую Западную Германию.

Йоханнес Огорд. Международный дистрибьютор. Датский последователь Хаака, который вывел эту модель на международный уровень, создав сеть «Диалог-Центров» и начав экспорт технологии в другие страны.

Александр Дворкин. Российский франчайзи. Человек, который привез эту технологию и методологию в Россию в «чемодане с документами» и, получив мощную поддержку со стороны представителей православной церкви, с невероятным успехом имплементировал ее на российской почве, направив против новых «врагов».

То, что я обнаружил, было не просто сходством идей. Это была прямая передача организационной модели, методов работы, архивов и, что самое страшное, самой идеологии превосходства одной группы над другой. Идеологии, позволяющей отказывать другим в праве на существование.

Чемодан, который Дворкин привез из Дании в 1993 году, не был просто набором бумаг, это было наследие — мрачное, отравленное наследие Вальтера Кюннета и его «Апологетического центра». Это была инструкция по сборке конвейера ненависти, проверенная временем и доказавшая свою эффективность в самые темные периоды европейской истории.

Я сидел в тишине своей квартиры посреди ночи, и мне казалось, что я слышу гул этого конвейера. Я видел, как на его ленту одного за другим ставят людей — вчера евреев и «исследователей Библии», сегодня — кришнаитов, протестантов, психологов, преподавателей йоги. Менялись только ярлыки на их одежде. Механизм оставался прежним.

Призраки прошлого не просто стучались в дверь. Они вошли, не спрашивая, расположились в гостиной и начали диктовать свои правила. Мое расследование о комичном запрете йоги в тюрьмах привело меня к самым корням тоталитарной идеологии XX века.

Была ясна история создания и работы этой машины.

Теперь мне предстояло спуститься, как говорится, в машинное отделение и посмотреть, как этот монстр, собранный по нацистским лекалам, работает сегодня. Кто становится его жертвами? Чьими руками он вершит свое «правосудие»? И есть ли хоть какой-то шанс его остановить?

Впереди меня ждала Россия и паутина, которую сплел в ней Александр Дворкин.

Глава 2. Конвейер в действии: анатомия российской охоты на ведьм

Я вернулся в Москву другим человеком. Всего несколько недель назад я уезжал из этого города, посмеиваясь над абсурдной историей о йоге в тюрьме. Теперь, шагая по гулким коридорам Шереметьево, я чувствовал себя так, словно вернулся с чужой, невидимой войны. Мир вокруг был прежним: спешащие пассажиры, объявления о рейсах, запах кофе и дорожной пыли. Но внутри меня все изменилось. Я смотрел на лица людей и невольно думал: кто из них уже попал в «черный список»? Чей психологический тренинг, группа по медитации или даже просто философский кружок уже был помечен красным флажком в чьей-то зловещей картотеке?

Тот «чемодан документов», который Александр Дворкин привез из Дании в 1993 году, перестал быть для меня просто фигурой речи. Я увидел его содержимое. Это были не просто бумаги. Это были инструкции по сборке конвейера ненависти, отлаженного в самые мрачные годы европейской истории. И теперь эта машина репрессий, была собрана, смазана и запущена на полную мощность здесь, в России.

Теперь мне предстояло увидеть, как это работает. День за днем. Шаг за шагом. Увидеть своими глазами, как псевдонаучный бред превращается в административные запреты, как язык вражды становится поводом для уголовных дел, и как абстрактная «борьба с сектами» перемалывает конкретные человеческие жизни.

Мое расследование больше не было путешествием по архивам. Оно превратилось в спуск к действующему механизму подавления. И первый его узел, самый главный и самый громкий — это информационная война.

Часть 1. Оружие массового поражения: Слово

Любая война начинается с определения врага. Прежде чем нажать на курок, нужно убедить себя и окружающих, что тот, на кого направлено твое оружие, — не человек. Что он — угроза, болезнь, паразит, нечто чужеродное, что необходимо изолировать или уничтожить ради блага «здорового общества». Сеть Дворкина в совершенстве овладела этим первым, главным искусством — искусством дегуманизации. Их основное оружие — не дубинки и не тюремные решетки. Их оружие — слово. Отравленное, искаженное, превращенное в клеймо.

Центральным элементом этого арсенала стал термин «тоталитарная секта».

Я провел дни, изучая происхождение и применение этого словосочетания. Введенное в оборот самим Дворкиным в начале 90-х, оно стало гениальным пропагандистским ходом. Оно звучало научно, весомо и страшно. Слово «тоталитарная» немедленно вызывало в сознании постсоветского человека ассоциации с фашизмом и сталинизмом. Ну а слово «секта» било по глубинным, архаичным страхам перед чужаками, еретиками, тайными обществами с их жуткими ритуалами. Сцепив их вместе, Дворкин создал лингвистического монстра, идеальный ярлык, который не требовал доказательств. Если группу называли «тоталитарной сектой», дальнейшие вопросы были излишни. Она априори виновна.

Это словосочетание — псевдонаучная пустышка. Ни в одном серьезном академическом религиоведении мира вы не найдете такого определения. Ученые используют нейтральные и корректные термины, например, «новое религиозное движение» (НРД). Но Дворкину и не нужна была наука. Ему нужен был инструмент стигматизации, и он его получил. Этот термин стал универсальным маркером, которым можно было пометить кого угодно.

Я открыл сайт «Центра религиоведческих исследований во имя священномученика Ириния Лионского», а затем сайты с материалами о деятельности «РАЦИРС» (Российской ассоциации центров изучения религий и сект), зонтичной структуры, которую возглавляет Дворкин.

Это не просто сайты, это цифровые доски позора, современные аналоги списков «врагов народа». Часами я прокручивал эти страницы, и холодное оцепенение сковывало меня все сильнее.

Списки «опасных» организаций были бесконечны. Там были все, кого можно было ожидать: сайентологи, мормоны, Свидетели Иеговы, православные священники. Но чем дальше я листал, тем все шире становился круг «врагов». Среди них Международное общество сознания Кришны. Те самые улыбчивые люди в оранжевых одеждах, раздающие на улицах вегетарианскую еду. На сайте Дворкина они превращались в опасных вербовщиков, разрушающих семьи и доводящих адептов до психических расстройств. А «Школа Щетинина», уникальный образовательный проект на юге России, где дети-подростки осваивали школьную программу за пару лет и сами преподавали младшим, в мире Дворкина — педагогический культ, калечащий детскую психику. Движение «Анастасия» по мотивам книг Владимира Мегре, когда люди, уезжали из городов, чтобы строить «родовые поместья» и жить на земле. Для сектоведа — это неоязыческая оккультная секта, уводящая людей от цивилизации. Психологические тренинги «Лайф-Спринг» и центр «Синтон». Популярны курсы личностного роста, которые в 90-е и 2000-е прошли тысячи людей. В оптике Дворкина — «психокульты», использующие техники контроля сознания для выкачивания денег. Философская школа «Новый Акрополь». Международная организация, где изучают Платона, стоиков и восточную мудрость. В списках сектоборцев — опасная синкретическая секта.

И, конечно же, йога. Не какая-то конкретная школа, а йога как явление. Как без тени сомнения утверждал Дворкин, «Йога — это искусство смерти».

Я сидел перед монитором и понимал, что вижу перед собой современную инквизиторскую энциклопедию. Любая форма духовного или интеллектуального поиска, любая попытка человека выйти за рамки серой обыденности, любая система саморазвития, не вписывающаяся в узкие догмы сектоборцев — все это было

потенциальной «сектой». Послание, которое транслировали эти сайты, было простым и пугающим: *«Не высывайся. Не ищи. Не думай иначе. Иначе мы придем за тобой».*

Но мало было составить списки. Нужно было создать атмосферу ненависти вокруг тех, кто в них попал. И здесь в ход шла риторика, от которой у меня до сих пор стынет кровь. Риторика, которую я уже встречал в немецких архивах 30-х годов.

«Секты — это раковая опухоль на теле нашего общества».

Эту мысль Дворкин повторял в десятках интервью. Она стала его визитной карточкой. И я не мог не слышать в ней эхо слов Вальтера Кюннета, который называл еврейство чужеродной клеткой в теле немецкого народа.

Раковая опухоль. Чужеродная клетка.

Это не просто метафоры. Это технология. Технология, которая лишает оппонента человеческого статуса. С раковой опухолью не ведут диалог. Ее не пытаются понять. Ее вырезают. Радикально. Без жалости. Потому что иначе она убьет здоровый организм.

В этот момент заканчивается любая дискуссия и человек, выводится за рамки закона и морали. Его можно травить, преследовать, сажать в клетку. Его уничтожение — это не убийство, а хирургическая мера.

Эта риторика, тиражируемая через СМИ, через лекции по городам России, через «экспертные» комментарии на телевидении, годами отравляла общественное сознание. Она создавала тот самый фон, ту атмосферу страха и ненависти, на которой, как на дрожжах, росли последующие этапы репрессий. Обыватель, напуганный рассказами про «зомбированных адептов» и «детей, приносимых в жертву», уже был готов ко всему. Он не удивлялся, когда ОМОН врывался в молитвенный дом. Он не сочувствовал матери, у которой отбирали детей за посещение «неправильной» церкви. Он кивал головой и думал: «Так им и надо. С раковой опухолью иначе нельзя».

Слово становилось приговором еще до суда. А машина подавления, получив этот негласный общественный мандат,

переходила к следующему этапу: мобилизации тех, кто готов был исполнять этот приговор на улицах.

Часть 2. Рекруты ненависти

Система Дворкина не была бы столь эффективной, если бы опиралась только на медийную пропаганду. Любой машине нужны не только идеологи, но и исполнители. Нужны «ноги», которые будут ходить, «рты», которые будут кричать, и «руки», которые будут держать плакаты. Нужны те, кто перенесет войну из газетных статей и телеэфиров на улицы городов, создавая живую, дышащую картину «народного гнева». И сеть Дворкина нашла этих исполнителей. Чаще всего — среди молодежи.

Я потратил много времени, пытаюсь понять механизм этой вербовки. В нем не было ничего нового или уникального. Это классическая политтехнология, завернутая в религиозную обертку.

Представьте себе молодого человека, лет двадцати. Он живет в провинциальном городе, учится в институте или работает на низкооплачиваемой работе. Мир кажется ему сложным, несправедливым и лишенным смысла. И тут ему предлагают простое и ясное объяснение всех проблем. Есть «мы» — носители света, традиции, истинной веры, защитники Родины. И есть «они» — коварные, хитрые, финансируемые с Запада «сектанты», которые, как пауки, плетут свои сети, чтобы погубить наши души, разрушить наши семьи, украсть наших детей и развалить нашу страну.

Враг назван, он конкретен. И тебе предлагают стать воином света в этой великой битве. Тебе дают чувство сопричастности к чему-то большому и важному. Ты больше не просто студент или продавец. Ты — защитник, дружинник, крестоносец XXI века. Твоя жизнь обретает смысл.

Я нашел в сети десятки видеороликов и фотографий с акций, организованных борцами с сектами в разных городах России. Картина была почти всегда одинаковой. У входа в протестантскую

церковь, центр йоги или просто зал, где проходил какой-нибудь семинар, собиралась группа людей. Впереди — несколько крепких мужчин среднего возраста с суровыми лицами, а порой и с крестами поверх одежды. Иногда — священник в рясе, придающий акции легитимность. А за их спинами — молодежь, неумело держащие самодельные плакаты.

На плакатах были все те же лозунги, которые я уже видел на сайтах и в интервью: "Секты - вон из России", "Нет сектам на русской земле!", «Стоп секта!», «Не вступи в секту», «Скажи сектам «нет», "Нет духовной оккупации России!".

Я всматривался в их лица этих молодых людей. В ком-то был цинизм профессиональных митингующих, работающих за деньги.

Яркий пример, когда журналисты одного местного телеканала пытались выяснить у пикетчиков, против каких конкретно «сект» они выступают и чем именно эти «секты» опасны. Большинство опрошенных не смогли ответить на вопросы, только один из активистов упомянул Свидетелей Иеговы.

Но были среди митингующих и те, в ком была настоящая фанатичная убежденность и вера в то, что они совершают благое дело. Они верили, что спасают своих сограждан от страшной опасности. Им объяснили, что за этой дверью — не люди, которые ищут свой путь к Богу или к себе, а «одурманенные адепты» и «вербовщики». Им сказали, что кричать в лицо женщине с ребенком, идущей на службу, «Покайся, еретичка!» — это не хамство, а миссионерский подвиг.

Однажды мне удалось поговорить с человеком, который в юности сам участвовал в подобных акциях в одном из сибирских городов. Назовем его Алексеем. Он согласился на встречу в кофейне на окраине Москвы, постоянно оглядываясь и попросив не включать диктофон.

«Мне было девятнадцать, — глухо говорил он, размешивая сахар в давно остывшем кофе. — Я только-только вернулся с армии и мы с товарищем пришли в церковь. И там был человек, очень

харизматичный, он постоянно говорил нам про „сектантскую угрозу“, что американцы через своих агентов — мормонов, иеговистов, да кого угодно — хотят разрушить Россию. Так я познакомился с антисектанскими активистами, а Дворкин для нас тогда был как маршал Жуков. Его лекции, его статьи мы зачитывали до дыр».

Алексей рассказал, как им, молодым ребятам предлагали посмотреть выступления борцов с сектами, рассказывали про масштабные конференции, показывали снятые о сектах фильмы, — эмоциональные, манипулятивные истории о «бывших сектантах». Рассказывал и том, как они собирали списки адресов, где собираются так называемые «враги».

«Мы шли туда к ним как на войну, — продолжал Алексей. — Мы кричали, раздавали листовки. Однажды мы сорвали лекцию приезжего индийского гуру. Просто ворвались в зал и была потасовка. Мы чувствовали себя героями».

Перелом в его сознании наступил, когда во время одного из пикетов у баптистского дома молитвы из дверей вышла пожилая женщина, которую он знал. Это была медсестра из районной поликлиники, которая когда-то делала ему уколы в детстве.

«Она посмотрела на меня, — голос Алексея дрогнул, — и в ее глазах не было ненависти. Только удивление и боль. Она тихо спросила: „Лёшенька, и ты здесь? Зачем?“ И я вдруг увидел не „сектантку“, не „агента ЦРУ“, а просто тетю Валю, которая всю жизнь лечила людей в нашем районе. Я стоял с этим дурацким плакатом, на котором было написано что-то про „Сектанты – вон из нашей страны“, и мне стало так стыдно, что я чуть не провалился сквозь землю. В тот момент я понял, что что-то здесь не так. Я посмотрел в лица молодых ребят, которые были искажены ненавистью. Они выкрикивают оскорбления в адрес людей, выходящих из здания. Людей, которых они никогда не видели и о которых не знают ничего, кроме того, что нам о них рассказали. Мы не вели диалог, мы были глухи к любым аргументам. Мы выполняли миссию.. А что если нас просто используют?!

И в этом Алексей был прав. Молодые активисты становились идеальным тараном. Их молодость, энергия и пассионарность цинично были направлены на травлю инакомыслящих. Их руками создавалась картинка «народного гнева», которую потом можно было показывать по телевизору как доказательство «опасности сект». Они были уверены, что творят добро, не понимая, что являются всего лишь пешками в чужой большой игре, главная цель которой — власть. Они были топливом для фабрики ненависти, ее мускулами, готовыми к действию по первому сигналу.

Я погружаюсь в архивы новостей середины 2000-х, и передо мной встает удручающая картина. Великий Новгород. Движение «Наши» и местный антисектантский проект с говорящим названием «Гнев» проводят шествие против «тоталитарных сект». Руководитель «Гнева», журналист Александр Чаусов, открыто ссылается на Дворкина и его сайты как на главный источник истины. Они не только митингуют. Они устраивают сходы жильцов, требуя выселить «сектантов» из арендуемых помещений.

Мордовия. Активисты «Наших» и других молодежных организаций, при поддержке местного депутата и представителя епархии, пикетируют кинотеатр, где собираются Свидетели Иеговы. Они требуют запретить их деятельность в республике. Год спустя они добиваются своего: кинотеатр расторгает договор аренды. Это маленькая, но показательная победа для рекрутов сети Дворкина.

Электросталь, Московская область. Движение «Местные» устраивает целый спектакль. Активист на ходулях в «американской шляпе» ведет на веревке марионетку-«проповедника». Другой «сектант» в белом балахоне «пудрит мозги» наивному юноше, посыпая ему голову тальком. Все это — под крики «Гнать мракобесов поганой метлой!».

Иваново. Движение «Новый рубеж» проводит акцию «Скажи сектам “нет”».

Чиновники, призывали молодежь «помогать властям в выявлении сектантов». Комитеты по делам молодежи объявляли борьбу с сектами своим главным приоритетом.

И в этом, пожалуй, одно из самых страшных преступлений сети Дворкина: она калечит не только своих жертв, но и своих уже сторонников, превращая их из нормальных людей в озлобленных фанатиков.

Яркой иллюстрацией этого являются так называемые «миссионерские поездки» самого Дворкина по регионам России. Представьте себе картину. В небольшой областной город, где разные религиозные общины годами мирно сосуществовали, приезжает «столичный профессор», «главный эксперт по сектам». Местные медиа размещают рекламу его лекций. В дальнейшем лекции посещают жители региона. Среди участников: журналисты, студенты, учителя, психиатры, чиновники и правоохранители (как правило приглашенные миссионерскими отделами). Это позволяет Дворкину страшать жителей рассказами о «полчищах сектантов», готовящихся захватить их город, похитить их детей и отобрать квартиры.

Эффект от таких визитов был предсказуем и порой ужасен. В городах, которые посещал Дворкин, а также после его выступлений на телевидении, наблюдатели фиксировали всплеск насилия на почве религиозной нетерпимости.

Кто же становился исполнителями этих акций? Думаю ответ очевиден. Чаще всего это была молодежь. Молодые люди, которым харизматичный «борец за веру» давал простого и понятного врага. Им предлагали почувствовать себя защитниками, участниками великой битвы со злом.

Самое страшное в этом — исторические параллели. В нацистской Германии Гитлерюгенд тоже начинал с «безобидных» акций, с пикетов и шествий, которые создавали атмосферу ненависти и готовили почву для погромов и геноцида. Молодежь, зараженная идеологией превосходства и ненависти, становится

страшным оружием. И сеть Дворкина научилась мастерски им пользоваться.

Таким образом, история моего собеседника Алексея была историей тысяч таких же молодых людей. Их искренний порыв, их желание служить чему-то высокому, их патриотизм — все это было цинично перенаправлено в русло ненависти к своим же согражданам. Они были не только агрессорами, но и жертвами этой системы. Словно пушечное мясо в информационной войне, которое создавало необходимый фон для следующего, самого разрушительного этапа — манипуляции законом.

Часть 3. Закон как дубинка: легализация травли

Пропаганда создает врага, а уличные акции создают видимость «народного гнева». Но для того, чтобы конвейер заработал на полную мощность, чтобы он мог не просто травить, а ломать, сажать и уничтожать, ему нужен главный инструмент — **легализация травли**. В руках сети Дворкина даже российское законодательство превратилось из механизма защиты прав в дубинку для подавления неугодных.

Иллюстрацией этого механизма подавления, является в том числе та самая история, с которой и началось мое расследование. История про йогу в тюрьмах. Теперь, зная всю подноготную, я видел ее совершенно другими глазами. Это был не абсурдный курьез. Это была спецоперация.

Давайте разберем ее по шагам.

Шаг 1: Создание псевдоэкспертной угрозы. В апреле 2019 года Александр Дворкин, выступая в роли «профессора сектоведения», пишет обращение. Не просто в газету, а к конкретному носителю власти — сенатору Елене Мизулиной (и как оказалось не случайно, так как Мизулина на этот момент уже разделяет идеологию Дворкина).

Он заявляет, что асаны йоги в конечном счете спровоцируют «голодные бунты» в СИЗО.

Это звучит как бред сумасшедшего. Но бред, апеллирующий к темам тюремного порядка, бунтов, ЛГБТ и облеченный в форму «экспертного заключения», становится грозным оружием. Дворкин всегда бьет по приземленным, понятным для чиновников страхам.

Шаг 2: Политическая легитимация. Сенатор Мизулина, не утруждая себя проверкой фактов или консультациями с реальными экспертами по йоге или пенитенциарной системе, принимает этот сигнал.

Она не отправляет Дворкина к психиатру. Она пишет официальный сенаторский запрос на имя Генерального прокурора России Юрия Чайки, требуя «провести проверку» и «принять меры».

В этот момент бред Дворкина обретает вес государственного документа.

Шаг 3: Реакция государственной машины. Генеральная прокуратура не может проигнорировать запрос сенатора. Запускается бюрократическая машина. Запрос спускается во ФСИН (Федеральную службу исполнения наказаний). Руководители на местах, как правило, получив грозную бумагу, действуют по самому безопасному для себя сценарию: «как бы чего не вышло». И вот результат: ФСИН *действительно* временно приостанавливает занятия йогой в московских СИЗО до окончания проверки.

Цель достигнута. **Без единого судебного решения, без каких-либо реальных оснований**, просто на основании бредового доноса одного человека, деятельность остановлена. Репутационный ущерб нанесен. Создан прецедент.

Хотя позже замдиректора ФСИН Валерий Максименко публично высмеял доводы Дворкина и Мизулиной, отметив, что йога, наоборот, положительно влияет на дисциплину, машина уже сделала свое дело. Она показала, как легко и эффективно можно парализовать любое неугодное явление.

Эта схема — «эксперт» Дворкин → лояльный чиновник → запрос в силовые ведомства → проверка и запрет — использовалась десятки, если не сотни раз. Так закрывались реабилитационные центры для наркозависимых (объявленные «трудовыми сектами»), образовательные семинары, культурные фестивали.

Но это была лишь верхушка айсберга. Параллельно с тактическими ударами шла стратегическая работа — лоббирование и изменение самого законодательства.

Я углубился в историю российского законодательства о свободе совести. И обнаружил, что Дворкин и его сторонники, в том числе из религиозного круга, начали свою работу почти сразу после его возвращения в Россию. Уже в 1993-1994 годах они активно лоббировали отмену либерального закона 1990 года «О свободе вероисповеданий», который давал равные права всем религиозным объединениям.

Их усилия увенчались успехом в 1997 году, когда был принят новый, гораздо более жесткий федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». Этот закон ввел понятие «традиционных религий» (православие, ислам, иудаизм, буддизм), поставив все остальные в положение второго сорта. Он создал массу бюрократических препон для регистрации новых групп, дал чиновникам широкие полномочия для отказов и проверок. По сути, он заложил правовую основу для дальнейших репрессий.

Именно на этот закон, как на фундамент, позже легли еще более репрессивные нормы, в частности, «пакет Яровой», который фактически криминализировал любую миссионерскую деятельность вне специально отведенных мест.

Ключевым инструментом для применения этих законов стала так называемая «религиоведческая экспертиза». И здесь круг замыкался.

Кто становился теми самими «экспертами»? Как правило — люди, напрямую связанные с сетью Дворкина.: его ученики, последователи, сотрудники региональных филиалов РАЦИРС. Их

предвзятые, написанные языком ненависти заключения, в которых любая неудобная группа объявлялась «деструктивным культом», «тоталитарной сектой», ложились на стол судье. И судья чаще всего принимал выводы такого «эксперта».

Так, частное мнение идеологически ангажированных «сектоведов» превращалось в судебное решение: решение о ликвидации организации, о признании ее литературы «экстремистской». А в конечном итоге превращалось в приговор к реальному тюремному сроку для ее членов.

Вдобавок ко всему этому, одна из вершин пути Дворкина — пост председателя Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. Подумайте об этом. Человек, чьи методы и терминология вызывают яростные споры в научном сообществе, был наделен реальной государственной властью. Властью решать, какая вера «правильная», а какая — «опасная». Властью, которая напрямую влияет на судьбы тысяч людей.

По сути, Дворкин и его сеть создали параллельную, псевдоюридическую реальность. В ней не действовали нормы светского права и академической науки. Вместо этого царили изобретенные им же термины вроде «тоталитарной секты». Эти «эксперты» получили право решать, кто является «правильным» верующим, а кто — «опасным сектантом», подлежащим изоляции.

Закон перестал быть щитом. Он стал дубинкой. И эта дубинка обрушивалась на головы реальных людей, превращая их жизнь в ад.

Если бы Александр Дворкин остался просто эксцентричным публицистом, автором конспирологических теорий, его деятельность, при всей ее деструктивности, не имела бы столь катастрофических последствий. Но произошло самое страшное: его личная, патологическая, картина мира, подкреплённая нацистской методологией, была принята на вооружение государственной машиной. Его одержимость инфильтровалась в коридоры власти и стала частью официальной политики.

Принятие печально известных «антимиссионерских» поправок в составе «пакета Яровой» в 2016 году также не было случайностью. Это была блестяще разыгранная многоходовая комбинация, кульминация десятилетней лоббистской работы. И началась она не в Москве, а в регионах.

Стратегия была проста: «обкатать» репрессивные законы на местном уровне, создать прецеденты, а затем вынести их на федеральный уровень. Этот процесс, где «антикультовые активисты» выступали лоббистами, отчетливо виден на примере нескольких ключевых регионов.

Архангельская область и Ставропольский край. В 2015 году, практически синхронно, эти два региона становятся пионерами в законодательном ограничении миссионерства. В Архангельске этому предшествовал визит Дворкина еще в 2011 году, где он, по сути, «учил власти воевать с сектами», после чего была создана специальная правительственная комиссия. К 2015 году местные депутаты, подстегиваемые «антикультовыми» настроениями, приняли областной закон «О миссионерской деятельности». Позже именно эти архангельские депутаты выйдут с инициативой в Госдуму и напишут обращение генпрокурору с требованием ликвидировать Свидетелей Иеговы. Ставропольский край, приняв аналогичный закон в том же году, быстро превратился в один из центров преследований за «незаконное миссионерство».

Ямало-Ненецкий автономный округ. Но, пожалуй, самое откровенное свидетельство прямого влияния Дворкина было зафиксировано на Ямале. В апреле 2016 года, когда местные депутаты рассматривали законопроект о миссионерской деятельности, региональное информагентство Ura.ru написало о том, что *«Необходимость принятия такого закона обозначил известный сектовед Александр Дворкин во время своего визита на Ямал».*

Дворкин был не просто «экспертом». Он был инициатором и идеологическим вдохновителем репрессивных законов. Он приезжал в регионы, «обрабатывал» местных чиновников, создавал

информационный фон, и следом, как по команде, появлялся нужный законопроект. Его региональная сеть РАЦИРС обеспечивала поддержку «с мест».

Когда почва была подготовлена, в игру вступали федеральные лоббисты.

И вот, в итоге, в 2016 году наступает развязка. Принятие и начало применения «антимиссионерских поправок» в составе «антитеррористического пакета». Поправки тактически «прячут» вглубь это масштабного «антитеррористического пакета» Ирины Яровой, а не вносятся отдельным законопроектом, который вызвал бы бурные споры. Антимиссионерские поправки были внесены перед вторым чтением неожиданно и в нарушение порядка рассмотрения законопроектов, для их полноценного общественного обсуждения не оставалось времени. В короткий промежуток между их внесением и принятием религиозные организации, юристы и правозащитники пытались донести до разработчиков опасность их принятия, указывали на невнятные формулировки, допускающие различные интерпретации и, следовательно, могущие привести к злоупотреблениям в правоприменительной практике. Однако поправки, тем не менее, были приняты без существенной корректировки.

Это был гениальный ход и безусловно победа сети Дворкина. Ведь на протяжении многих лет до этого попытки законодательного ограничения миссионерской деятельности заканчивались неудачей.

Глава 3. Государство как инструмент: технология захвата

Частная сеть Дворкина смогла подчинить себе элементы правоохранительной системы, законодательные органы и даже повлиять на мировоззрение первого лица государства.

Медийная артиллерия

Для распространения своих идей РАЦИРС и связанные с ней структуры превратились в настоящую "фабрику контента" для российских СМИ. Сеть Дворкина предоставляла журналистам готовые сюжеты, "проверенных" экспертов (то есть самих себя) и, конечно же, списки "опасных" организаций. В дополнение к этому в региональных и федеральных медиа работали их журналисты, например, Александр Чаусов, руководитель Новгородского антисектантского проекта «Гнев». Вся их деятельность создавала иллюзию широкой общественной проблемы, хотя на самом деле это была хорошо срежиссированная кампания.

Так формировался стандартный набор обвинений, тиражируемый сетью через подконтрольные СМИ: "охота за имуществом", "разрушение семей", "использование психотехнологий", "связь с иностранными разведками" и, конечно, "угроза национальной безопасности". Эти обвинения, редко подкрепленные реальными доказательствами, кочевали из одной газетной статьи в другой телесюжет, создавая плотный информационный кокон страха и ненависти вокруг неугодных групп.

Технология "вирусных мемов"

Самый яркий пример — фраза "секты растут как грибы и плесень".

Эта фраза взята непосредственно из "библии" всех сектоборцев — книги Дворкина "Сектоведение": *"В современной России неоязыческие секты родноверческого толка **растут, как грибы**"* — пишет он.

А теперь проследим путь этого "мема". В 2012 году на встрече с работниками промышленных, образовательных и социальных сфер в Самарской области президент Владимир Путин, отвечая на вопрос адепта Дворкина Елены Бельчиковой о "противодействии сектам", говорит следующее: *"Я и сам по регионам езжу, в регионах бываю часто. <...> то там, то здесь я об этих проблемах слышу. <...> **Как грибы и как плесень**, появляются эти маленькие молельни, где проводятся какие-то обряды..."*

Это не случайное совпадение. Это прямое доказательство того, что нарратив, созданный и тиражируемый Дворкиным и его сетью, успешно проник на самый высокий уровень государственной власти. Президент страны говорит словами из книги Дворкина. Информационная операция достигла своей цели.

Вербовка и мобилизация: армия "сектоборцев"

Идеология ненависти не могла оставаться лишь на бумаге и в телеэфире. Для реальной борьбы, как я уже упоминал ранее, требовались "солдаты" — активисты, готовые вести "полевую работу". Их задача заключалась не только в участии в митингах и пикетах против сект, но и в работе, которая больше напоминала разведывательную деятельность. Валерий Отставных (бывший сотрудник РАЦИРС) описывает эту практику в деталях: члены сети создавали фейковые аккаунты в социальных сетях, вступали в онлайн-группы религиозных организаций "под видом интересующихся" и начинали выуживать информацию: адреса, имена лидеров, численность, внутренние проблемы.

Собранная информация превращалась в "базу врагов". Это был не просто сбор данных, а целенаправленное составление досье.

На конференции 2001 года один из ближайших соратников Дворкина, протоиерей Дмитрий Смирнов, прямо инструктировал собравшихся:

«В любом городе пара человек вполне способна узнать адреса, фамилии, имена и отчества, а также домашние адреса лидеров всех существующих сект. Что ж, можно сделать плакаты и сделать с них

копии, как это делают наши «братья по разуму» – саентологи, и обклеить ими все государственные учреждения. Можно также фотографировать их на выходе из дома, чтобы каждый житель города знал их в лицо, знал их имена, отчества, домашние адреса и телефоны. Возможно, даже факсы и адреса электронной почты. И пусть живут дальше своей жизнью.»

Второй шаг — рассказать, что представляет собой этот культ. Очень кратко, в телеграфном стиле. Для многих этого будет достаточно, чтобы уехать из города. В лучшем случае, не один кирпич прилетит им в окно... Биографии всех лидеров культа с фотографиями их «морд».

Так создавалась армия, готовая не изучать, а преследовать. Армия, вооруженная досье и идеологией ненависти, ждала лишь команды, чтобы передать свои "наработки" тем, кто обладает реальной силой.

Симбиоз с силовиками: поставщики врагов для Центра «Э»

Следующим шагом было превращение правоохранительной системы в исполнительный орган своей воли. РАЦИРС стала незаменимым "поставщиком врагов" и псевдо-экспертизы для силовых структур, особенно для созданных в 2011 году Центров по противодействию экстремизму (Центр "Э").

Шокирующие подробности этого симбиоза раскрывает Валерий Отставных на примере Тульской области. После расформирования УБОП и создания Центра "Э" его сотрудники, бывшие "убойщики", остались без работы — организованная преступность была побеждена или легализована. И тогда они пришли за "врагами" в региональное отделение РАЦИРС, которое по факту было миссионерским отделом епархии.

Отставных вспоминает: *"К нам пришли сотрудники Тульского центра по противодействию экстремизму при областном ГУВД. Пришли и откровенно сказали: "Ребят, вы знаете, мы боролись с националистами, но теперь они у нас закончились, и нам больше не с кем бороться. Мы слышали, что вы тоже боретесь — кстати, молодцы*

— с какими-то гадами, врагами государства, сектантами. Но у нас нет о них никакой информации. Не можете ли вы нам подкинуть какую-то информацию? Где, на какой улице, в каком доме живут руководители различных деструктивных религиозных общин в Тульской области?"

Вдумайтесь в этот диалог. Государственная структура, созданная для борьбы с экстремизмом, приходит к РАЦИРС и просит дать ей цели для работы. И им дали. По словам Отставных, его коллега начал сотрудничать с силовиками, передавая им адреса, списки и, конечно, "руководство к действию" — книгу Дворкина "Сектоведение". Так вчерашние борцы с бандитами, не имея ни малейшего представления о религиоведении, начали применять свои "убойные" методы к верующим, опираясь на доносы и идеологические установки "сектоведов".

Одновременно шла и прямая идеологическая обработка силовиков. Дворкин и члены его сети читали лекции "Тоталитарные секты как угроза национальной безопасности" для силовых структур.

Так паутина оплела и силовой блок. РАЦИРС давала цели и идеологическое оправдание, а силовики — реальную силу для репрессий.

"Потемкинские деревни" для Президента

Ключевой задачей для легитимизации своей борьбы было убедить высшее руководство страны в том, что "нашествие сект" — это реальная, а не выдуманная угроза общенационального масштаба. Для этого была разработана и успешно применена стратегия "потемкинских деревень". Ее суть проста: на встречах президента с общественностью в разных регионах страны организовывалось появление "случайных" людей — адептов Дворкина, которые задавали "правильные" вопросы о сектах.

Хрестоматийным примером стала уже упомянутая встреча Владимира Путина в Самаре в 2012 году. Слово берет Елена Бельчикова, представленная как обычная местная жительница. Она озвучивает целый пакет предложений по ужесточению

законодательства для борьбы с "тоталитарными и деструктивными сектами". Это было не спонтанное выступление обеспокоенной гражданки, а хорошо подготовленный программный доклад.

И стратегия сработала идеально. Ответ президента стал доказательством ее эффективности: *"Я и сам по регионам езжу, в регионах бываю часто. <...> то там, то здесь я об этих проблемах слышу. **Не Вы первая ставите этот вопрос**".*

Эта фраза — приговор. Повторюсь, она означает, что к 2012 году Дворкину и его сети удалось создать у главы государства стойкое и ложное впечатление о том, что "проблема сект" волнует всю страну. Президенту казалось, что он слышит "голос народа", но на самом деле он слышал голоса срежиссированной массовки. "Потемкинская деревня" была выстроена.

Государственные структуры: лиса в курятнике

Финальным аккордом стало подчинение законодательной власти. Имея влияние на президента и силовиков, Дворкин смог продавить нужные ему законы и закрепиться в ключевых государственных структурах.

Ключевую роль здесь сыграл Александр Коновалов. Будучи студентом Дворкина в ПСТГУ, он, став министром юстиции России, в 2009 году создал при министерстве Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы. Председателем этого совета, получившего право решать судьбу любой религиозной организации в стране, стал... его учитель, Александр Дворкин. Лиса была назначена сторожить курятник.

Не менее важным был тандем Дворкина с сенатором Еленой Мизулиной в Совете Федерации. Мизулина (сенатор, которая в 2019 году обратилась в Генпрокуратуру по вопросу запрета занятий йогой в СИЗО) предложила депутатам Государственной Думы усовершенствовать законы о религии и создать рабочую группу по «борьбе с деструктивными общественными объединениями и религиозными сектами» и законодательно закрепить понятие «деструктивная секта». В феврале 2017 года такая группа была

создана при Совете Федерации. В ее состав вошли, в частности, несколько «сектоведов» из Российской Ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС), включая ее президента Александра Дворкина, представители Русской православной церкви, силовых структур, в том числе ФСБ.

Так замкнулся треугольник власти: манипуляция общественным мнением и мнением президента, симбиоз с силовыми структурами и прямое лоббирование законов через своих людей в правительстве и парламенте. Частная сеть "сектоведов" стала полноценным элементом государственной репрессивной машины.

Глава 4. Перемолотые судьбы

В ходе расследования я собрал сотни историй. Это были не просто газетные вырезки или сухие протоколы судебных заседаний, передо мной открылась настоящая галерея разрушенных жизней.

Я перебираю папки с их историями, и каждая из них — это шрам на теле нашего общества. Шрам, оставленный машиной подавления.

Часть 1. Галерея разрушенных жизней

Разрушенные семьи. Родители, науськанные «антисектантами», писали доносы на своих детей. Супруги разводились, потому что один из них принадлежал к «неправильной» церкви. Детей настраивали против родителей, внушая им, что их мать или отец — «сектант» и враг. Узы крови рвались под напором идеологической ненависти.

Увольнения с работы. Стоило человеку попасть в «черные списки» Дворкина, как его жизнь превращалась в ад. Коллеги начинали смотреть косо, а начальство, опасаясь проблем с властями, спешило избавиться от «неблагонадежного» сотрудника. Доносы от «бдительных граждан» и «антисектантских активистов» становились основанием для увольнения, разрушения карьеры, лишая людей средств к существованию.

Публичная травля и социальная изоляция. Верующих травили в СМИ, в интернете, в их собственных подъездах. Их называли шпионами, сумасшедшими, преступниками. Их дети подвергались буллингу в школах. Люди, еще вчера бывшие уважаемыми членами общества, в одночасье становились изгоями.

Судебные преследования. Самые трагические истории — это уголовные дела, инициированные на основе «экспертиз» Дворкина и его уже единомышленников. Людей сажали в тюрьму за то, что они собирались вместе, читали свои священные книги и молились своему Богу. Обвинения в «экстремизме» строились на лингвистических и

религиоведческих экспертизах, выполненных людьми из его окружения, где проповедь о своей вере могла трактоваться как «утверждение религиозного превосходства».

Одной из самых массовых стала кампания против Свидетелей Иеговы. В 2017 году их организацию признали в России «экстремистской» и запретили. Тысячи людей по всей стране в одночасье стали преступниками только за то, что продолжали вместе читать Библию и молиться. Начались массовые обыски, аресты, пытки. Десятки людей получили реальные тюремные сроки.

Идеологическим обоснованием этого разгрома на протяжении многих лет занимался именно Дворкин, само собой разумеется не без участия своей сети. Они неустанно создавали образ Свидетелей Иеговы как «опаснейшей тоталитарной секты».

Он был идеологом и организатором их гонений. Архитектором их страданий. А сравнение с «фюрером» после того, что я раскопал о нацистских корнях этого движения, уже не казалось мне просто поэтической метафорой. Оно било в самую суть.

Часть 2. Цена одной одержимости

Эта безжалостная машина, запущенная Дворкиным в России, не щадила никого. **Машина показала свою всеядность. Ей было все равно, кого перемалывать: верующих, философов, психологов, педагогов, экопоселенцев.** Любой, кто предлагал альтернативный взгляд на мир, мог быть объявлен «сектантом». Она не терпела никакого инакомыслия, даже в своих рядах. Она прошла даже по тем, кто пытался мыслить иначе как внутри самой православной церкви, так и внутри РАЦИРС.

Система, созданная для борьбы с внешними «врагами», с неизбежностью начала пожирать и своих.

Я сидел в своей московской квартире, заваленной распечатками, книгами и выписками. Передо мной была работающая схема. Четырехтактный двигатель подавления: **Слово** (Создание образа

врага через пропаганду и дегуманизирующую риторику). **Толпа** (Мобилизация уличных активистов для создания давления и атмосферы страха). **Закон** (Манипуляция законодательством и использование «экспертиз» для юридических репрессий). **Страдание** (Конечный продукт конвейера — тысячи сломанных судеб, страх, разрушенные общины и семьи).

Машина работала безупречно. Она была самодостаточной и самовоспроизводящейся. Каждый новый судебный процесс, каждая новая запрещенная книга становились топливом для нового витка пропаганды. Каждая новая жертва служила доказательством существования «сектантской угрозы».

Экспорт ненависти не ограничивался границами России. Являясь более 10 лет вице-президентом влиятельной европейской организации FECRIS, Дворкин использовал эту международную площадку для легитимации своей деятельности и для продвижения ее за пределы России.

Я долго смотрел на схему, которую рисовал неделями. Линии, стрелки, имена, названия организаций, номера судебных дел. Все это сплеталось в уродливый, но до ужаса логичный узор. Изначально я, как и многие другие, видел в этом узоре хаотичное нагромождение событий: вот государство «закручивает гайки», вот активизировались консервативные круги, вот силовики нашли новую «внутреннюю угрозу». Поначалу я считал Александра Дворкина важным, но все же винтиком в этой машине.

Как же я тогда ошибался.

Прозрение пришло не сразу. Оно накапливалось по крупицам, из протоколов допросов, из сухих формулировок судебных решений, из интервью с бывшими чиновниками, которые говорили со мной на условиях анонимности. В какой-то момент я стер почти все и нарисовал новую схему. В ее центре был один человек. А все остальное — министерства, суды, прокуратура, СМИ — расходилось от него лучами, как от солнца. Только это было черное солнце, сжигающее все вокруг.

Это история о том, как один человек, движимый, как я теперь убежден, фанатичной идеей и невероятным талантом манипулятора, сумел взломать и подчинить себе целые сегменты государственной машины, превратив ее в своего личного подрядчика по уничтожению неугодных. Государство в этой схеме было не заказчиком. Оно было инструментом. Мощным, безжалостным, но всего лишь инструментом в руках дирижера.

Дворкин добился своего. Его личная война, начатая в маленьком кабинете, заканчивалась решением высшей судебной инстанции страны и превращением сотен тысяч верующих в членов запрещенной экстремистской организации. Государство, от местного прокурора до судьи Верховного Суда, выступило в роли идеального подрядчика. Оно выполнило работу, четко следуя техническому заданию, которое написал для него один человек.

Но самое страшное наследие Дворкина — не только лишь в запрещенных организациях. Оно гораздо глубже и опаснее. Он сумел сделать то, что не удавалось до него никому: он ввел в правовое поле России язык ненависти.

Ярлыки «тоталитарная секта», «деструктивный культ», «контроль сознания» — в России, благодаря Дворкину, стали частью юридической реальности. Они кочуют из одного «экспертного заключения» в другое, из обвинительного заключения прокурора в мотивировочную часть судебного решения.

Дворкин создал универсальное оружие. Под его определения можно подвести кого угодно, даже группу анонимных алкоголиков — ну чем не «контроль сознания» и «вовлечение в организацию»?

Это оружие было вложено в руки правоохранительной системы.

Он не просто помогал сажать и запрещать. Он развратил саму суть права. Он подменил презумпцию невиновности презумпцией вины по признаку принадлежности к «неправильной» группе. Он научил государство говорить на языке ненависти. И этот яд до сих пор отравляет страну.

Один человек, запустил конвейер репрессий, который перемолол судьбы сотен тысяч человек, лишив их права на свободу совести, собственности и просто нормальной жизни.

История с Дворкиным — это не просто история о религиозных гонениях. Это пугающий кейс о том, насколько хрупкими могут быть государственные институты. Насколько легко их можно «взломать» и перенастроить под цели одного человека или узкой группы лиц, если у них есть воля, энергия и внятная, пусть и человеконенавистническая, идеология.

Он не использовал оружие или армию. Его оружием было слово.

Я смотрю на свою схему на доске. Теперь она кажется мне законченной и пугающе ясной. В центре — дирижер. А вокруг него — огромный оркестр, послушно исполняющий симфонию ненависти. Оркестр, который не всегда понимает, чью партитуру он играет. И в этом, пожалуй, и заключается самый страшный урок этой истории.

Я сидел в тишине своей комнаты, и мне казалось, что я слышу гул. Это был не гул конвейера ненависти. Это был гул истории, которая в очередной раз пошла по кругу, доказывая, что зло не нуждается в новых изобретениях. Ему достаточно просто найти тех, кто готов аккуратно скопировать старые чертежи.

Заключение. Предупреждение

Я сижу в своей комнате, и вокруг меня — бумажный вихрь. Распечатки судебных решений, ксерокопии архивных документов, исчерканные блокноты, вырезки из газет. Это все, что осталось от моего долгого путешествия, начавшегося со смеха над нелепой новостью. Каждая страница здесь — это не просто информация. Это шаг в бездну, которую я пытался измерить.

Эта книга была попыткой ответить на вопрос: как абсурд становится фундаментом для репрессий? Теперь, когда путь пройден, ответ лежит передо мной, и он пугает своей простотой. Ответ — это безупречно отлаженная транснациональная машина ненависти, собранная по старым, пожелтевшим чертежам.

Я начал с малого — с анекдотичного доноса «профессора сектоведения» Александра Дворкина на занятия йогой в тюрьмах.

Это была та самая ниточка, потянув за которую, я вытащил на свет уродливый клубок и увидел, как он, получив в 1993 году в Дании от своего наставника Йоханнеса Огорда «чемодан документов», импортировал в Россию готовую технологию подавления.

А затем пошел дальше по этой нити, в прошлое. От Огорда — к его учителю, немецкому пастору Фридриху-Вильгельму Хааку, который открыто презирал Всеобщую декларацию прав человека. А от Хаака — к его духовному отцу, теологу Вальтеру Кюннету. И там, в этом последнем звене, нить оборвалась, упершись в обугленную стену истории. Я оказался в 1930-х годах, в нацистской Германии, где «Апологетический центр» Кюннета поставлял списки «опасных сект» и инакомыслящих напрямую в гестапо.

Это было не просто идеологическое сходство. Это была прямая, документально подтвержденная преемственность. Эстафета ненависти, бережно передаваемая из рук в руки через десятилетия.

Затем я увидел, как эта машина, собранная по нацистским лекалам, была запущена в современной России. Машина репрессий и подавления.

Я увидел, как ненависть прошла все стадии легализации, превратившись из маргинального бреда в норму закона.

Разбирая эту страшную мозаику, я постоянно возвращался мыслью к Германии. Не только к той, времен Кюннета, но и к другой — той, что нашла в себе силы посмотреть в глаза своему прошлому.

На моем столе лежала распечатка речи президента ФРГ Рихарда фон Вайцзеккера, произнесенные им 8 мая 1985 года, в сороковую годовщину окончания войны. Его речь о памяти и ответственности стала для меня тем моральным камертоном, который помог не сойти с ума от увиденного.

Я наткнулся на нее случайно, в самом конце своего пути, и она обожгла меня своей пронзительной, вневременной актуальностью. Я читаю ее, и мне кажется, что этот пожилой немецкий политик, переживший войну, смотрит через десятилетия прямо мне в глаза. Он смотрит на мою схему, на мои папки с делами, на списки жертв и на мою страну. И он говорит. Говорит обо всем, что я только что узнал.

Именно его слова, а не мои, должны стать заключением этой книги. Потому что мое расследование — это лишь частный, современный комментарий к тому главному, вечному предупреждению, которое он оставил нам всем.

Я беру в руки его речь. И я слышу его голос.

День освобождения?

«Многие народы вспоминают сегодня тот день, в который кончилась в Европе Вторая мировая война... с каждым днем нам становилось все яснее, и об этом мы все вместе должны сегодня заявить, что 8 мая было днем освобождения. Этот день освободил всех нас от человеконенавистнической системы национал-социалистской тирании».

День освобождения.

Эти слова звенят в тишине моей комнаты с горькой иронией. Мы, в России, тоже празднуем этот день. Мы вспоминаем великую победу и миллионы жертв. Мы говорим «Никогда снова». Но освободились ли мы на самом деле? Освободились ли мы от *человеконенавистнической системы* как принципа? Или мы просто победили одну из ее конкретных реализаций, чтобы, утратив бдительность, позволить ее метастазам прорасти на нашей собственной почве?

Фон Вайцзеккер говорит, что 8 мая нельзя рассматривать в отрыве от 30 января 1933 года — дня прихода Гитлера к власти. Так и сегодняшний день в России нельзя рассматривать в отрыве от того дня в 1993 году, когда Александр Дворкин, вооруженный архивами датского антикультиста Огорда, открыл в Москве свой «Центр священномученика Иринея Лионского».

Это был наш, маленький, почти незаметный «день прихода». День, когда вирус, разработанный в идеологических лабораториях Третьего рейха, был снова выпущен на свободу, упакованный в новую, православную обертку.

Президент Германии призывает вспомнить и почтить всех жертв тирании. И он начинает их перечислять. Я читаю его список и невольно составляю свой, параллельный. Список тех, кто стал жертвами новой, гибридной тирании, построенной в моей стране при активном участии «сектоведов».

Вайцзеккер: «Мы чтим в особенности память шести миллионов евреев, убитых в германских концентрационных лагерях».

Я вспоминаю Свидетелей Иеговы. Конечно, масштабы несравнимы, и любое прямое сопоставление кощунственно. Но несравним ли механизм? Десятилетиями сеть Дворкина создавала им образ «опаснейшей тоталитарной секты». Их литературу признавали «экстремистской» на основании тех самых «экспертиз», где утверждение об истинности своей веры трактовалось как «пропаганда исключительности». А затем, в 2017 году, Верховный Суд одним росчерком пера превратил почти 200 000 мирных

верующих в членов запрещенной «экстремистской организации». Сотни уголовных дел. Обыски. Аресты. пытки. Пожилые люди за решеткой за чтение Библии

Я смотрю на «черные списки» Дворкина. Они всеохватны, как списки врагов у гестапо.

Деятельность Дворкина стала инструментом подавления не только религиозного, но и политического инакомыслия.

Каждый, кто искал свой путь, мог быть объявлен душевнобольным, «зомбированным», опасным для общества.

Вайцзеккер: «Мы чтим память жертв из рядов сопротивления во всех оккупированных нами государствах».

Я вспоминаю иск 17 организаций против Дворкина в 1995 году. Это была отчаянная попытка сопротивления. Попытка использовать закон, чтобы защититься от клеветы. Но система уже тогда показала свою силу. Дворкин спрятался за спину Церкви, и митрополита Тихона, который сказал, что: «Иск против Дворкина — это иск против Церкви».

Сопротивление было подавлено. Прецедент был создан. Машина получила индульгенцию.

Мы освободились? Нет. Мы не заметили, как прямо у нас под носом, была реанимирована и запущена та самая «человеконенавистническая система». Она сменила символику, риторику, но ее суть — разделение людей на сорта, дегуманизация «чужих» и их последующее уничтожение с помощью государственного аппарата — осталась неизменной.

«Я ничего не знал»

Фон Вайцзеккер с беспощадной честностью говорит о том, как стала возможна катастрофа. О роли обычных людей. Его слова — это приговор обывательской слепоте, трусости и равнодушию. Приговор, который сегодня в полной мере относится и к нам.

«Участвовали в совершении преступлений немногие. Эти преступления скрывались от глаз общественности. Однако каждый немец мог быть свидетелем того, что приходилось претерпевать

еврейским согражданам: от холодного равнодушия и скрытой нетерпимости до открытой ненависти. Кто же мог ни о чем не подозревать, видя горящие синагоги, погромы, стигматизацию евреев шестиконечной звездой, лишение их прав, постоянное оскорбление человеческого достоинства?»

Я перечитываю это и думаю о своей собственной реакции на ту первую новость о йоге. Я рассмеялся. Это и было то самое «холодное равнодушие». Я считал это курьезом, абсурдным перегибом, не имеющим ко мне отношения. Я не увидел за ним систему. Я не почувствовал боль тех, против кого она была направлена.

А ведь все сигналы были налицо. Для каждого.

Горящие синагоги? А чем отличаются пикеты у молитвенных домов протестантов, где молодые люди с горящими глазами, науськанные «сектоведами», кричат «Еретики, убирайтесь из нашего города!»? Я сам говорил с Алексеем, бывшим участником таких акций, который с ужасом вспоминал, как по сути оскорблял пожилую женщину, которую знал с детства. Он был уверен, что «воюет за Россию». Его сделали инструментом ненависти.

Стигматизация звездой? А чем отличается клеймо «тоталитарная секта» или «деструктивный культ»? Это та же самая звезда Давида, только цифровая. Она вешается на организацию, на человека, и он мгновенно становится изгоем. Его можно уволить с работы. Его можно затравить в прессе. Его бизнес можно уничтожить. Это клеймо, которое лишает тебя прав и человеческого достоинства.

Депортационные эшелоны? Кто из нас не читал новости о том, как очередной суд в Таганроге, Сургуте или Орле приговаривает к 6-7 годам колонии Свидетелей Иеговы? Мы пролистывали эти новости, думая: «Странные они какие-то, эти иеговисты, сами напросились». Мы не вникали, что их судят за то, что они собирались в квартирах и читали Библию.

«Кто присматривался и прислушивался, кто хотел знать, тот не мог не замечать... Однако на самом деле – в добавление к самим

преступлениям – слишком многие старались не замечать происходящего... Когда по окончании войны выявилась вся не поддающаяся описанию действительность массового уничтожения, слишком многие из нас ссылались на то, что они ничего не знали или даже ни о чем не подозревали».

«Слишком многие старались не замечать». В этой фразе — вся суть. Мы старались. Мы не хотели портить себе настроение. У нас были свои дела: ипотека, работа, дети, отпуск. Нам было проще посмеяться над «борцами с йогой» или пожалть плечами, читая о приговоре очередному «сектанту». Мы думали, что это где-то далеко и нас не касается. Мы не хотели замечать, как ненависть легализуется, как она из маргинальных брошюр переползает в законы и судебные решения.

Фон Вайцзеккер говорит: *«Вина, как и невиновность, носит личный, а не коллективный характер... Подавляющее большинство нашего сегодняшнего населения было в то время либо в детском возрасте, либо вообще еще не родилось. Они не могут признавать свою вину в том, чего они вообще не совершали».*

Да, мы, сегодняшние, не строили эту машину. Но мы позволили ее построить. Мы не писали доносы. Но мы молчали, когда по этим доносам приходили к нашим соседям. И в этом молчании, в этом равнодушии, в этом смехе и есть наша ответственность.

«Все мы – будь мы виновны или нет, будь мы стары или молоды – должны признать прошлое. Его последствия затрагивают и призывают к ответу нас всех».

Именно поэтому я пишу эту книгу. Чтобы мы перестали отводить глаза. Чтобы мы, наконец, посмотрели на то, что происходит, и назвали вещи своими именами

«Тайна искупления кроется в воспоминании»

Это, пожалуй, главная мысль речи фон Вайцзеккера. И главная мысль моего расследования. Он произносит слова, которые должны быть высечены в камне над входом в каждый парламент, в каждую редакцию, в каждую школу.

«Дело не в преодолении прошлого. Такое вообще невозможно... Но кто закрывает глаза на прошлое, тот остается слепым в настоящем. Кто не хочет вспоминать о бесчеловечности, тот подвергается опасности вновь заразиться».

«Подвергается опасности вновь заразиться». В нашем случае это не метафора. Это буквально то, что произошло.

Мое расследование показало, что вся идеология и методология сети Дворкина — это не его изобретение. Это прямое, документально подтвержденное наследие. Это историческая инфекция, которую не долечили, которую позволили сохранить и которая дала рецидив.

Мы не просто «заразились вновь». Мы импортировали штамм, который, как мы думали, был давно побежден и похоронен в руинах Рейхсканцелярии. Мы позволили ему мутировать и приспособиться к новой среде.

Почему это стало возможным? Потому что мы забыли. Мы превратили память о войне в ритуал, в парад, в георгиевскую ленточку на зеркале автомобиля. Мы помнили о героизме и победе, но мы забыли, *как именно* начинался тот ужас. Мы забыли, что он начинался не с газовых камер, а со слов. Со статей в газетах. С «экспертных» заключений. С разделения людей на «наших» и «не наших». С молчаливого согласия большинства.

Фон Вайцзеккер цитирует еврейскую мудрость:

«Желание забыть продлевает ссылку, а тайна искупления кроется в воспоминании».

В этом и есть смысл. Пока мы не вспомним по-настоящему, пока мы не осознаем, что машина Дворкина — это прямой потомок машины Кюннета, мы будем оставаться в «ссылке». В изгнании из мира гуманизма, права и человеческого достоинства. Мы будем слепыми в настоящем, не понимая, почему в нашей стране можно отправить человека в тюрьму за чтение Библии или запретить йогу из-за «сексуального возбуждения».

Эта книга — моя попытка вспомнить. Моя попытка вскрыть эту историческую амнезию. Показать, откуда на самом деле растут ноги

у современного российского мракобесия. Показать, что это не уникальное наше явление, а старая, хорошо известная европейская болезнь, от которой мы почему-то не сделали себе прививку.

Просьба к молодежи

Самые пронзительные слова в речи фон Вайцзеккера обращены к молодым. К тем, кто не несет личной вины за прошлое, но несет ответственность за будущее.

«У нас новое поколение взяло на себя политическую ответственность. Молодое поколение не отвечает за события прошлого. Но оно отвечает за то, какой урок будет извлечен из него историей... Мы, старшие, не обязаны осуществлять мечты молодежи, а обязаны быть правдивыми... Просьба к молодежи такова: Не позволяйте заражать себя враждой и ненавистью к другим людям, к русским и американцам, к евреям или туркам, к альтернативным или консервативным силам, к черным или белым. Учитесь жить друг с другом, а не друг против друга».

Каждый раз, когда я читаю эти строки, я думаю об Алексее, с которым я говорил в той кофейне на окраине Москвы. О девятнадцатилетнем парне, который искренне верил, что, выкрикивая оскорбления в адрес баптистов, он «противостоит злу». Его энергию, его идеализм, его желание служить чему-то великому цинично использовали. Его заразили враждой и ненавистью. Ему не дали научиться «жить друг с другом», его научили жить «против другого».

Сеть Дворкина сделала ставку именно на молодежь. Они — ее «штурмовые отряды», ее массовка, ее «возмущенная общественность». Их руками создается картинка «народного гнева», которая легитимизирует дальнейшие репрессии. Это самая страшная часть их технологии. Они не просто преследуют инакомыслящих. Они калечат души тех, кого используют в качестве инструмента. Они воспитывают поколение, для которого ненависть к «чужому» — это норма, доблесть, признак патриотизма.

Именно поэтому просьба фон Вайцзеккера сегодня актуальна как никогда. Я тоже хочу обратиться к молодым людям, которые, возможно, прочтут эту книгу.

Не верьте тем, кто предлагает вам простые ответы и ясного врага. Не верьте тем, кто говорит, что ради «великой цели» можно ненавидеть, оскорблять и унижать других людей. Любая цель, для достижения которой нужна ненависть, — ложная. Не верьте тем, кто делит мир на черное и белое, на «нас» и «них». Мир сложен и многоцветен, и в этом его красота. Прежде чем заклеить кого-то «сектантом», «еретиком» или «врагом», попробуйте просто поговорить с ним. Вы можете с удивлением обнаружить, что перед вами не «зомби», а такой же человек, как и вы, — со своими поисками, сомнениями и надеждами.

«Учитесь жить друг с другом, а не друг против друга». Если хотя бы несколько молодых людей, прочитав это, задумаются и откажутся стать пехотинцами в чужой войне ненависти, значит, моя работа была не напрасной.

Сила права и право силы

Разгром нацизма привел к созданию нового миропорядка, основанного на верховенстве прав человека. Фон Вайцзеккер напоминает, как это было закреплено в немецкой конституции, принятой 8 мая 1949 года:

«Поэтому немецкий народ признает неприкосновенные и неотъемлемые права человека как основу всякого человеческого общества, мира и справедливости в мире».

Это был ответ на тиранию. Ответ, который гласил: государство существует для человека, а не человек для государства. **Закон должен быть щитом для каждого, особенно для самого слабого, для меньшинства.**

Мое исследование показало, как в современной России произошел обратный процесс. Как закон из щита был превращен в дубину.

Мы пришли к ситуации, когда «целесообразность» борьбы с очередным назначенным врагом оказывается важнее любых конституционных гарантий свободы совести.

Вайцзеккер: «Будем уважать свободу. Будем трудиться за мир. Будем соблюдать право. Будем служить своим внутренним масштабам справедливости».

Сегодня в России каждая из этих фраз звучит как вызов. Сеть Дворкина и стоящие за ней систематически уничтожают свободу. Они разжигают внутреннюю войну вместо мира. Они используют право как инструмент беззакония.

Наше последнее предупреждение

Я дочитываю речь фон Вайцзеккера. Его голос спокоен, но тверд. В нем нет ненависти, но есть беспощадная ясность. Он не обвиняет, он призывает к ответственности.

«Мы уверены, что 8 мая будет не последней датой нашей истории, знаменательной для всех немцев».

Я тоже уверен, что история не заканчивается. Она продолжается прямо сейчас, в эти дни, когда вы читаете эту книгу. И какой она будет, зависит от нас. От того, какой урок мы извлечем.

Мое расследование, начавшееся с хохота над нелепой новостью, привело меня к осознанию простой и страшной истины. Зло не всегда приходит с грохотом сапог и ревом бомбардировщиков. Иногда оно приходит тихо, вкрадчиво. В виде «обеспокоенного эксперта» с бородой. В виде «патриотического» закона. В виде «возмущенной общественности». Оно маскируется под заботу о «духовной безопасности», о детях, о государстве. Оно говорит правильные слова, но делает чудовищные дела. И если общество вовремя не распознает его, если оно предпочитает смеяться, отворачиваться или молчать, однажды оно просыпается в мире, где абсурд стал нормой, а ненависть — законом.

Фон Вайцзеккер закончил свою речь так:

«Будем сегодня, 8 мая, неотступно смотреть правде в глаза».

Давайте посмотрим. Неотступно. Прямо сейчас. Пока еще не слишком поздно.

Конвейер ненависти, который я описал, никуда не делся. Он работает прямо сейчас, в эту самую минуту, пока вы читаете эти строки. И он не остановится, пока мы не найдем в себе силы назвать вещи своими именами. Пока не признаем, что идеология, разделяющая людей на «правильных» и «неполноценных», которых можно травить и преследовать, преступна по своей сути, вне зависимости от того, какими благородными целями она прикрывается — будь то «чистота расы» или «духовная безопасность».

Вглядитесь в лица вокруг. Вслушайтесь в слова, звучащие с экранов. И когда в следующий раз вы услышите, как кого-то называют «раковой опухолью», «инородным телом» или «деструктивным элементом», знайте: конвейер выбрал новую жертву. И если мы промолчим сегодня, завтра на эту ленту поставят любого из нас.

Катастрофа прошлого началась не в тот день, когда были построены первые лагеря, а в тот момент, когда первый человек сознательно отвел взгляд, чтобы не видеть несправедливости. Слепота, выбранная однажды ради душевного комфорта, становится хронической. Сознательное «не-видение» и есть та первая трещина в моральном фундаменте общества, через которую просачивается зло.

Не закрывайте глаза!